Олег Ильинский

СТИХИ

Книга третья

МЮНХЕН
1966

Олег Ильинский

СТИХИ

Книга третья

МЮНХЕН
1966

Druck: „Logos“ GmbH, München 19, Bothmerstr. 14

КАМЕНА

Я знаю, ты ведь с детства — непоседа,
Походка бессознательно легка...
И скажешь ты: лови меня, преследуй
По свету золотистого зрачка.
Ты скажешь: я пугливая, лесная,
Лесная лань без памяти, одна.
А я тебя найду, я разузнаю
Тропу и омут обыщу до дна.
Я знаю все расщелины и лазы,
Твои повадки в памяти несу.
Я с темных листьев буду пить алмазы,
И с губ твоих я буду пить росу.
Ты скажешь: я пугливая, лесная,
Лесная лань, без памяти бегу.
Сырые травы беглыми волнами
Тебя укроют на лесном лугу.
Дрожащих листьев резвая Камена
Хрустальной влагой вечера повей.
Прорыв сознанья — легкий сгиб колена,
Лукавый блеск зрачков из-под бровей.

1962

ДОРОГИ

Она цветы держала на коленях,
Рука была в коротком рукаве,
Паслись велосипеды, как олени,
Под старым деревом на солнечной траве.
По горному шоссе, в бегущих листьях кроясь,
По хвойной просеке, по золотой тропе
Катил велосипед в студенческую повесть,
В двойную молодость катил велосипед.
Веселая девченка, непоседа,
Я вдруг задумаюсь и оглянусь
На шорох твоего велосипеда
И локтя золотистого коснусь.

1963

КУСКОВО

Пробираясь сквозь ветки наощупь,
Глядя окнами в ясную даль,
В подмосковных смеющихся рощах
Доморощенный бродит Версаль.
Он стыдится величья и позы,
Заслоняясь на легком ветру
Серебристым изгибом березы,
Опрокинутой в северный пруд.
Люстра входит альпийским обвалом,
Входит гранями чуть шевеля
В белый блеск танцевального зала
Колкой радугою хрусталя.
В легком кружеве речи французской,
Между старых сановных голов,
Властно топает туфелькой узкой
Королева кусковских балов. . .
Зацветая колышатся травы,
И сквозь лиственный легкий узор
Ровно дышет имперская слава
В камышевых свирелях озер.

1961

3. ВОЛКОНСКАЯ

Венценосца улыбкой дарила,
Отвечала на шутку посла,
Беззаботно от Вены до Рима
По Европе в мазурке прошла.
Вечно в странствии с места на место,
Целовала аббату кольцо,
Пела мессу, страницу Де Местра,
Как вуаль, опустив на лицо.

1962

ВОКЗАЛ — ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В ОТПУСК

Н. И.

Альпийской зеленью сверкая
Под гулким сводом потолка,
Вмонтированы в серый камень
Горели кадры Кодака.
Звучали кафельные плиты
(Пиши, блаженствуй, не скучай),
Как-будто весь вокзал пропитан
Нарзаном горного ключа.
И отпуск завтрашний обещан
(Блаженствуй, не скучай, пиши),
К глухим перронам тащат вещи
(Как эти кадры хороши!).
Тебе дают еще в вагонах
(Гляди, какая благодать!)
Перед отплытием с перронов
Пилюли отпуска глотать.
Ты в утре завтрашнем потонешь,
Направо потечет река,
Ты спишь под стук ночных вагонов,
И сны, как кадры Кодака.
Скользит рассвет тебе вдогонку,
И дизель мается кряхтя,
А окна яркой кинопленкой
Бегут по солнечным путям.
Спи, не скучай, пиши, блаженствуй,
Твой отпуск долог, поезд скор,
Тебя во сне привычным жестом,
Благословляет семафор.

1962

* *
*

Скрипичный ключ, озерный лебедь,
Зеленый отблеск от воды;
На солнечном вечернем небе
Грозы лиловые следы.
Под окнами давили гравий
Колеса лаковых карет;
А окна Моцарта играли,
И падал золотистый свет.

1963

СТАЛАКТИТЫ

Орган живой воды, слепые сталактиты,
Сквозная музыка слезящихся пород —
Насыщенная влага тяготит их,
Со свода падает и нарастает в грот.
Круг мертвых городов, замолкших водопадов,
С уступа на уступ плывет под потолок.
Застывшую архитектуру ада
Подернул темный гриб и слизью обволок.
В подземном озере на дне блестят монеты —
Холодная вода на память их возьмет!
И медленно текут скупые пятна света
По каменным губам оплывших квазимод.

1963

ПРИГЛАШЕНИЕ

Я знал тебя речушкой камышовой,
Девчушкой деревенской и лесной,
Тропинкою в березняке, где шорох
Сырого леса скрадывает зной.
Я знал тебя студенткой. Между прочим
Была меж нами вечная игра —
Ты словно ртуть блестела между строчек
И ускользала с кончика пера.
А я бродил по гривам перелесков,
По берегам, где с комарами мгла;
Я знал тебя. Я звал тебя в поездку,
Но ты не захотела, не смогла.
Но я и тут не мог угомониться,
И чтобы как-то выправить дела
Позвал тебя в озерную страницу:
Ты ласково кивнула и вошла.

1963

ПЕРЕЛИСТЫВАЮ АЛЬБОМ

Мы любим фактуру и шалости лепим штрихами,
И нам улыбаются губы, раскрытые легким дыханьем.
Вы видели контур ребра, нанесенного углем,
Небрежный наклон головы и смятенные букли?
Мы в след за бродячим штрихом уплываем в летящие пятна,
Нас держит Дидона в плену и натура в долгу неоплатном,
Безграничен и весел смеющихся обликов выбор:
Мы расставляем силки и навек закрепляем изгибы.
Эта шея и бровь навсегда в светотени остались,
И однажды мелькнувшая мысль неохотно воротится в хаос.
Пробегают кусты в неожиданных бликах эмоций,
Разбегаются сучья, и эхо над темным оврагом смеется.
На большом полотне бродит уголь большого накала.
Бродит шорох воды и мгновенья ушедшего жалость.
Влагу водных зеркал в ускользающем трепете тени
Нам глотать суждено и не знать никогда утолений.

1965

БОЛОТО

Здесь все луговые тропинки заглохли,
Здесь ропщет осина и хлюпает шаг,
Здесь бродит канадский Аксаков с биноклем
По пояс в траве и в сырых камышах.
Здесь лес гравирован на глади озерной,
И косо сверкающей рябью задернут.
Утиный закат на болоте кровав,
Растерян бинокль в травяных островах.
Янтарной иглой перелесок чуть тронут,
Беспечная дичь налетела сюда.
В ободьях бинокля — лесистые склоны,
В оптических стеклах — камыш и вода.
Деревья охвачены дрожью холодной,
Укол комариный остер и летуч.
Страница коробится в кочках болотных,
Штрихи тростниковые брызжут из туч.
Как проблеск сознанья, как радость в душе —
Фрагменты воды в золотом камыше.
Оставь разрастаться лесную свободу,
Оставь зарастать голубые пруды,
Не тронь тростника, и воды не уродуй,
Пиши камышинкой на глади воды.

1962

ГРОЗА

Дождь обрывался влажным грузом,
Он налетая бил в дупло;
Шок электрической медузы
За сад фруктовый понесло.
Пустая арка капли ловит,
И сизой тучей окрылен
Дубовый ствол — рябой Бетховен,
Обломанный Лаокоон.
Готическая галерея
Мигает в стрельчатом огне,
И заспанные суеверья
Висят, как гарпии, в окне.

1962

ИЗДАЛИ

Мы в Аахене с тобой не побывали,
Но слышали его колокола.
Морской водой спросонок умываясь,
Серебряная Бельгия звала.
Я верил и неверил. Я со страхом
Отыскивал тебя между других:
Твои слова, твой музыкальный Аахен,
Меня спасли, едва не погубив.
Мы в Аахене с тобой не отдыхали,
Ты в Бельгию не ездила со мной,
Но нам светился, как вино в бокале,
И золотистый Рейн, и Брюссель кружевной.
Я к цели шел, к последней шел преграде,
И брешь пробил стремительным броском.
Теперь смотри: наш Аахен стал тетрадью;
Раскрой ее — твой Аахен стал стихом.

1962

ФОРТЫ

Были утки. Чернели овраги,
Проносились, играя, стрижи,
Шелестели рулоны бумаги,
И ложились на лес чертежи.
Пахло тесом в бревенчатом доме,
В окнах пенился белый поток,
Наклонялся военный геометр
Над неконченным планом фортов.
По соседству с порогом веселым —
Стукотня топоров и пила.
Разбежались по рвам частоколы,
И траншея в траве поползла.
В хриплый говор вечерних дозоров
Через узкие щели бойниц
Входят куперовские озера
Плеском листьев и шорохом птиц.
Пуля свистнула вкось рикошетом,
По-французски ругнулся капрал,
На бегу разбирали мушкеты,
Бросив карты, спешили на вал.
Приступ шел по следам готовален,
Парень в красном валился в окоп,
Офицерскую перевязь рвали
На повязки для хмурых стрелков.
Там, где циркуль чертил полукружья,
Где линейка прорезала лес,
Длинноствольные фыркали ружья,
И таился в кустах ирокез —
Там теперь только тусклые даты,
Только яркий по склонам газон,
Только отблеск хрустальных закатов
Над притихшем простором озер.
Чтобы ты свои мысли узнала
По порогам и по камышу,
Я тебе от бобровых завалов,
От фортов приозерных пишу.

1961

ЛЕТО

Июнь отражался в озерах. Июль,
Едва появившись, запутался в лирике
Реки камышовой. Он встал на краю
Моих монологов концом перемирия.
Земля обегает недвижную ось,
Мои монологи сквозь лес нерасслышаны,
Дождливую ночь, прожигая насквозь,
Воздушная трасса проходит над крышами.
Вода, как и ты, нечувствительна к злу.
Как жалко твоих отражений у берега.
Тебя я доверю стальному крылу,
Тебя, близорукую, небу доверю я.
Плескались пороги. Дымился закат,
Бледнела палитра у вечера раннего,
Протянут над озером млечный рукав,
Улыбка светилась в очках, и туманились
Хрустальные зыби. Работал мотор,
Над темными крышами выли пропеллеры,
Воздушные мили спешили в упор
Озерный твой отпуск винтами расстреливать.

1961

ИЗ ОКОН

Крахмал белоснежных салфеток
И синий огонь на ноже;
А в стеклах — огромное лето
На жарком лесном рубеже.
Я глетчер тяну из стакана,
Внизу водопады висят,
На горный массив наступая
К столу подползают леса.
И бабочка мечется сонно,
И, с крыльев сбивая пыльцу,
Вплывает в стекло пансиона
Едва не вплотную к лицу.
И глядя в окошко на город,
В последнем отвесном луче
Я вижу лиловую гору
С грозой на отлогом плече.

1693

СВЯТОЧНЫЕ СТИХИ

Рождественский ледок неповторимо хрупок,
Цилиндр извозчика к прямым плечам прирос;
И горы красочных рождественских покупок,
И муфта на шнурке, и завиток волос.
Коньков услужливых упрямые восьмерки
Скользят во весь каток, а дома — теплый пунш,
А дома ждет лорнет насмешливый и зоркий,
И шелк лиловых лент у теток — опекунш.
Передвигай фарфор и наклоняй кофейник,
И узнавай погоду за стеклом.
Декабрь у легких ног улегся белой тенью,
И солнечно повел сверкающим крылом.
Любовь, как режиссер, рисунок тонкий вяжет
Из зимних праздников и красочных примет;
Различную судьбу различных персонажей
Любовь, как шахматы, расставит на паркет.
Клубится карнавал и снежные обвалы,
В ушах слегка шумит, постукивая, кровь . . .
Хрустальных праздников блаженная усталость,
И хвои ласковой нахмуренная бровь.

1963

СНЕГ

Овраг в снегу. Рогатые коряги
Дымились от вертящейся пурги,
А мы стихи на память повторяли
Сквозь мутные метельные круги.
Кусты звенели листьями сухими,
Метался ветер, ветку оторвав,
И нам казалось, что сама стихия
Бросает строфы в ледяной овраг.

1962

НА ПЯТОМ АВЕНЮ

Фасадами застеклена,
Отражена в оконной створке,
Шуршит деревьями весна
На Пятом Авеню в Нью-Йорке.
По лужам пробежал смешок,
На листьях высыхает влага,
И ветер весело пошел
По улыбающимся флагам.
Он дул с Гудзона на восток,
Он плыл, окутываясь шелком,
Он силой красочных кусков
По солнечным флагштокам щелкал.
Играть оброненным пером
Над парком ветер не устанет,
И парк покажется ковром
Нью-йоркской голубиной стае.
Навстречу солнечному дню
Автобус раздвигает зелень —
Поездка Пятым Авеню
От библиотеки к музею.
В витрину Скрибнера вошла
Весна, осваиваясь быстро
Со светлой плоскостью стекла,
С палитрой импрессиониста.
Она узнала Ренуара,
Позолотила край стола,
Парижской девушке с бульвара
Слегка вуаль приподняла.
Потом закапал дождик. Он
Засеменил походкой скорой
Вдоль замутившихся окон,
По ложной готике собора.
И если дымная копна
Густых волос английской моды

Глядит с портрета, и весна
Вдоль тротуара гонит воду —
То это значит мы вдвоем,
И ты на тот портрет похожа
Наивностью бровей. В твоем
Лице просвечивает кожа.
Я шорох веток сохраню,
Пыльцой вдоль улицы повеет
Апрель на Пятом Авеню,
Весна на станции сабвея.

1959

ОЗЕРО

Отраженья веток и коряг.
Верх деревьев золотисто-розов,
И озерная проходит рябь
По хрустальному лицу березы.
В камышах лесной закат разлит,
Винный отблеск солнечного сплава,
И лесное озеро стоит
Как Офелия в слезах и травах.

1961

ГАЗЕТА

Газета от влажного ветра сыра,
Водой океанской веет,
Зевая газету читают с утра
Кофейные люди в сабвее.
Тяжелые лица. Нью-йоркская быль,
Бруклин, Гарлем и Манхеттен. . .
Ветер уносит с губ, как пыль,
Свинцовый налет газеты.
Тяжелые штампы жирных полос,
Горячие всхлипы металла.
Плывет, колыхаясь, газетный киоск
По солнечной ряби кварталов.
Газета всю слизь портовую взяла,
Дуреет от грязи и крови,
Газета шипит от угла до угла
Клубком уголовных хроник.
Газета прошла по тысячам рук,
По сотням кварталов крикливых,
И ставит клеймо зубастый каблук
На лицо холливудской дивы.
Газета пропитана липкой жарой,
Заряжена бурей газета,
По Тридцать четвертой, по Сорок второй
Проходит нью-йоркское лето.
У ветра — хватка, у ветра — злость,
Он крутит газетой рваной,
Ветер газету проносит насквозь
До самого океана.
До сумерек летних, до первых огней,
До буйков рябовато-красных,
И мокнет газета в воде пристаней
В лиловатых разводах масла.
Газета уже не в силах кричать,
Не плещется грязным флагом.
Газету уносит отлив. Печать
Сведена океанской влагой.

1962

СТИХИ ВЕСНОЙ

Бьет золото сквозь щели жалюзи
И маслом растекается по стульям.
Попробуй карандаш. Изобрази
Чертеж окна с летящей тенью тюля.
Крутая пляска светлых пятен,
В четверостишье дворик сжат,
Там блики, как желтки в салате,
По саду светлому кружат.
Там листья лапчатые трутся
О золотой косяк окна,
И веткам солнечная хрупкость,
Сквозная ясность придана.
Веселая и волевая
Весна вершит свои дела:
Листва тенями наплывает
На жирно-карий дуб стола.
Поэзия часы глотает,
Блаженно скор полет руки —
Так ангел готики всплывает,
Неся в устах конец строки.

1963

ОКНО

Отбросить явь, чтоб как во сне бы
Шел фантастический рассказ —
Окно в плюще выходит в небо
На перекресток звездных трасс.
И комната с землей простилась,
И без усилья, как во сне,
Мой межпланетный Наутилус
Скользит по световой волне.
Ломаясь на зеркальном стыке
Из темносинего стекла,
Проходят голубые блики,
Касаясь кресел и стола.
Слегка прищурившись от света,
Я по приборам руль повел;
И вижу белую планету
Внизу через стеклянный пол.
И мир огромных чисел познан,
И скор пространственный полет,
И книжный шкаф задвинут в звезды,
И стол в галактиках плывет.

1962

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ВЕСТ САЙД СТОРИ»

Лоскутья на столбе оборванных афиш,
Пожарных лестниц крен, враждующие банды:
Манхэттен в августе, ты никогда не спишь,
Ты мечешь выстрелы и шлешь слова команды.
Задворки гаража. Автомобильных фар
Сквозные полосы и вихрь летящих платьев.
Налет полиции на полуночный бар:
Веселье прервано и призвано к расплате.
На скользких плитах — кровь. Кого то — наповал.
Под грохот каблуков, свистки и рев моторов
В приют наркотиков врывается финал,
Идет последний акт трагедии задворок.
Малиновая искра фонаря
Вращается на крыше лимузина...
Манхэттенский рассвет коснулся пустыря,
И окна засинил, и тучи отодвинул.
Манхэттен парится. Он ослеплен жарой,
На влажных простынях Манхэттену не спится.
И прячется от глаз манхэттенский герой,
И наступает смерть трущобной танцовщицы.

1963

ИНЖЕНЕР

Я тебя узнаю по рассветам,
По ударам грома и беды,
По свободным всплескам этих веток,
Птиц, лесов, закатов и воды.
Разбегались листья по лощинам,
Баррикаду строили бобры —
Так фортификации учились
Водопады, омуты, бугры.
Инженеру в темной треуголке
С компасом и зрительной трубой
Ты камнями подступала к горлу,
Уводила в чащу за собой.
Был овраг деревьями завален,
Жизнью был пропитан весь удел,
И тебе хрустальною вуалью
Рябь была на солнечном пруде.
Инженеру ты была желанной,
Он к тебе склонялся не дыша
В топь топографического плана,
В темные трущобы чертежа.
Он планировал форты и срубы,
Он не знал, пока озноб томил,
Это листья, или это губы
Влажные, как озеро, твои.

1961

НА МАНЕВРАХ

Оскален лес ракет пернатых,
Их профиль хищен и жесток;
На палубах авиаматок
Дыханье скошенных винтов.
Зеленый горизонт раздвинут,
И база что-то говорит...
Блеск солнца в куполе кабины,
Под крыльями — аквамарин.
Заворожив морские мили,
Просторы солнечных седин,
За виражами эскадрилий
Бинокль заломленный следит.
Торпеды на больших глубинах
Обшивку кованую рвут;
Над головой дымят турбины
И гаснет отстающий звук...

1962

ДЕРЕВНЯ

За тишиной дворянских библиотек,
За солнечной корой березовых стволов
Вечерняя вода, бекасы на болоте,
Орешник замшевый и сыроватый лог.
Гербарий луговой готовит опись
Кустарников и трав, а между тем
Навозный скотный двор тоскует об Эзопе,
И в лягушачий пруд уводит Лафонтен.

1962

ОСТРОВ

Построен приют китобоя
На остове рыбы-пилы;
А брюхо воды голубое
Распорото зубом скалы.
Там бухта, как ломоть арбуза,
Там волны на камне кипят,
Там в светлое тело медузы
Вошел океанский закат.
Там дно выступает рябое,
Там колья сквозь сети торчат,
Там бревна выносит прибоем,
И их пожирает очаг.
Там дым поднимается синий,
И вечер теплее вдвойне
С янтарным закатом в камине
И с красным закатом в вине.

1964

НАДВИГАЕТСЯ

И не было ни окон, ни исходов.
Железной гарью пахли пустыри,
И небо жгло, и горлу снился отдых,
И череп стал расплавленным внутри.
Потом он стал скафандром водолаза,
Он расширялся в целый шар земной.
В мозг врезались чернея ветки вяза
Через стекло. И ветки стали мной.
Уже во мне кипел прилив деревьев,
Уже во мне клубились облака,
У серых птиц нахохливались перья,
Морской болезнью маялась тоска.
Сияющий зеленоватый вал
Меня накрыл и я утратил память,
Я стал водой, стал солью, стал досками,
Я волнами по ветру кочевал.
Я плыл в хрустальном солнечном раздолье,
Но боль вошла, томительно сверля,
И я узнал по этой тусклой боли,
Что воротилось время и земля.

1964

МОЦАРТ ПИШЕТ РЕКВИЕМ

Пока движенье ледников
Земли опять не поглотило,
Пока в разрывы облаков
Глядят огромные светила,
И отражается в воде
Звезда себя не узнавая,
И солнце властвует везде,
Как мира точка узловая;
Пока могучий метеор
Крушит таежные трущебы,
И каменные спины гор
Клубятся зеленью парчевой —
Мы слышим сонмы голосов
В прохладной готике органа,
И жизнь трепещет, как висок,
И песнь, как призма многогранна.
И слышит там, за гранью дней
Душа, ушедшая из тела,
Как светлый реквием по ней
Поет Сикстинская Капелла.

1964

ЛЕТНИЕ БУДНИ

В летучей путанице веток,
В скользящих пятнах синевы
Творожно--сливочное лето
Встает из солнечной травы.
Там утро смотрится в озера,
А день хлопочет вдоль дорог,
Вздымая сена пыльный ворох
С фламандской росписи дворов.
Клубится в туче белый войлок
Со зноем спорящий, пока
За джунгли лопухов у стойла
Лесная выведет тропа.
Деревья были непомерны,
Как великаны шли стволы,
Листвой окутывая фермы,
Срезая острые углы.
В траве стоял цветочный запах,
Он был то гуще, то слабей;
В корявых вязах, в крепких лапах
Качалась лета колыбель.
Струя гремела о подойник,
Отмахивалась прядь волос,
Шарахалась овца в загоне,
Дышал встревоженный навоз.
Закат своим широким краем,
Пройдя по небу и земле,
Ударил бронзой по сараю,
Зажегся золотом в стекле.
А после — ночь, дыханьем теплым
Пугая тихую межу,
Тугих жуков к оконным стеклам
Пошлет на красный абажур.

1965

В БАРЕ НОЧЬЮ

Белокурой девченке с Бродвея
Спать хотелось. Уже не пилось,
И слипались глаза, соловея,
Под косым водопадом волос.
Эти улицы ей надоели,
Отвяжитесь, я к маме хочу;
С бессознательной грацией хмеля
Притулилась к чьему-то плечу.
Весь прохваченный вспышками света,
Не дожив, не допив, не доспав,
Наливался мигренью Манхеттен,
Отзываясь в прозрачных висках.

1962

КОСМОС

Полет. Голубоватый свет абстракций,
Над пропастью — логический статут.
Бегущие в сияющем пространстве
Разряды мысли плавят пустоту.
Сплошной полет. Вселенная клубится
Метелью душ. Ей слать потоки сил,
Пространство опоясывать зарницей
И прошивать орбитами светил.
След от звезды широкой лентой ляжет,
И будет время нити вить свои,
И пеленать в материю, как в пряжу,
Новорожденных замыслов рои.
Свободно дышет творческая радость
Сквозь цепь причин космическим огнем.
Разрыв диалектического ряда
Внезапен, как удачный ход конем.
Вселенная работать не устала,
В луче звезды вскипают сотни тем.
Встань. Оглянись. Смотри: растут кристаллы,
Пульсируют созвездия систем.

1959

ОТПУСК

Там где вяз шелестит над сараем,
Где коровы блуждают в клевере,
Мы с холмами в пятнашки играем,
Забываем о месте и времени.
Из кустарника, из болота
Вырастает строфа-затейница,
Королевская позолота
По траве от заката стелется.

1965

У ОЗЕР

Ты у этих плесов не бывала,
Милая, не слышала воды
Черной, словно деготь у провала,
Возле плоской каменной гряды.
Никогда не подходила близко
К водопаду с белой головой;
Нам с тобой по крепостям не рыскать,
По лесам не пропадать с тобой.
Не плеснет из амбразурных скважин
Лейк Чамплейн. Тебе Шатобриан
Шороха листвы не перескажет,
Зорь озерных плеска сквозь туман.
Не подняться в солнечные горы,
Не стоять на каменном горбе,
Но в моих тетрадях все озера
Говорят и пишут о тебе.
Нежность? Да. Но нежность недотрога,
Лучше форт в некошеной траве,
Лучше шум кипящего порога
И четверостишье в голове.
Пусть лесов просторная небрежность:
Все равно за каждой рифмой ты.
Все равно одна большая нежность
Оккупировала все форты.

1961

ЛУНА

За край земли ударил циркуль
И очертил гигантский круг:
Ракеты хвост над лунной циркой
В холодном куполе потух.
Хребтами ринулся к ракете
В свинцовых пятнах лунный лик,
И кажется, что пятна эти —
Следы пробоин пулевых.
Что лик изъеден черной оспой,
Что диск расстрелян, как мишень.
Он кажется слепым погостом,
Костляво-серым, как Кащей.
С лицом в пыли, немым вопросом
Нас встретит мертвая сестра.
И телевизоры отбросят
Ее морщины на экран.

1964

КВАРТАЛ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Коробка из-под папирос,
Начерченные мелом классы,
Забор плакатами оброс,
Заржавел от рекламных красок.
Стекает мутная слеза,
Дурная язва мясо гложет,
И мокнут жирные глаза
В порториканской желтой коже.
В мозгу сверкающим углом
Мозжит бутылочный осколок,
И ноет, рвется напролом
Слепорожденный выкрик пола.

1963

ОСВЕЩЕННОЕ ОКНО

Световая бабочка окна
Словно хочет тюлем заслониться,
И густая ночь оживлена
Золотистым шелестом страницы.
Над листом мелькает карандаш,
И рука слегка вращает глобус —
Ты кусочек вечности отдашь,
Чтоб светиться то окно могло бы.
Чтобы этот комнатный уют
В красновато-карем абажуре
Улыбался, думал и дежурил,
Как круги светящихся кают.
Мир в окне — он идеально тих,
Даль, как память, приглушает звуки;
Этот глобус, карандаш и руки —
Словно чистый диапозитив.
Свет еще реален и горит,
Но, уже забыв про частный случай,
Переходит в музыку и ритм,
И скупой язык бессмертью учит.

1964

МАВРИТАНСКАЯ ИСПАНИЯ

В горячий глаз арабского коня
Несло песком, и африканский ветер
Клубился гривой темного огня,
И возвещал Коран о Магомете.
И бушевал бурнус. И за спиной
Еще гудел пожар Александрии,
По деревням шатался бурый зной,
И хитрым маврам замки покорились.
Еще трубит военная игра,
Военный клич еще взывает резко,
А по лицу восточного ковра
Уже бегут, играя, арабески.
Уже, склоняясь над шахматной доской,
Халиф мечтает о Шахерезаде,
И ночь приходит с душною тоской,
С цветком в зубах и искоркой во взгляде.
И, глянув на хребты далеких гор,
На синие вершины в позолоте,
Свои фигуры чертит Пифагор,
И по-арабски пишет Аристотель.
Подернут мутью темный глаз коня,
Поблек разбег крутой арабской вязи,
Библиотеку свитков схороня,
Уснул песком засыпанный оазис.
И только мавританская струна
Еще гудит мелодией забытой,
Да носит в теле смуглая страна
Старинный след арабского копыта.

1964

ПАМЯТЬ

Вот этот осторов с колокольней,
И эта светлая вода
С ее равернутым привольем
Засняты раз и навсегда.
Вот память — зоркий соглядатый,
Искусный гравер на меди,
Под синей тенью конных статуй
За сизым голубем следит.
Все это где-нибудь приснится,
И, краски радуги тая,
Плеснет сквозь призму на страницу,
Как весть иного бытия.

1963

ТЕНИ

Я к ним привык, к большим теням,
Плывущим прочь от абажура;
Но вновь и вновь хочу понять
Пятнистый лепет их ажура.
Они, как память, или как
Невысказанное искусство
До воплощения, пока
Еще не сжато рамкой узкой.
Покуда контур не остыл,
Пока еще ничем еще не связан.
О тень с обрезом золотым —
Какая прелесть в ней для глаза!
Как весел мир ее затей,
Лукавства сколько и движенья.
Портреты, вписанные в тень,
Как будто глубже и нежнее.
Окно. Дубовый край стола,
Прямые рамы по простенкам,
А тень такие привнесла
В рисунок комнаты оттенки,
Расположила по стене
Их переходы так свободно,
Как будто долгожданный отдых
Вплывает ангелом ко мне.

1965

НА СКВОЗНЯКЕ

(1941—1945)

Четыре дня по заснеженной карте,
Четыре дня дорога в никуда,
Четыре ночи плавились огарки
И без огней встречали города.
И с каждым днем, размытая метелью,
Слабела память прошлого; и мы
Сквозь Дантов ад, как проклятые тени,
Кочуем в ледяных кругах зимы.
Бессрочные простои на разъездах,
За гулкой дверью — черный лунный лес;
И кто-то сыпал угли в зев железный,
И кто-то за сугроб волнистый лез.
Один храпел, пока восток был розов,
Пока лежал в бессоннице другой,
А луннный лес толчком от паровоза
Вдруг отлетал за новый перегон.
Какое-то негаданное утро
Вдруг повернуло на запасный путь.
Светило солнце влажным перломутром
Сквозь снеговую облачную муть.
Мело. За водокачкой торговались:
Что деньги — дым. Ищите дурака.
Кряхтя морозный танец танцевали
И спрашивали, нет ли табака?
Центр города стоит необитаем,
А в слободах все окна без стекла.
Старинная булавка золотая
В чужие рукавицы уплыла.
Теперь она гудит в печной затворке,
И дым ползет — живая синева,
Пока мохнатый ветер на пригорке,
Как белый штопор, крутит снежный вал.
Случайная негаданная пристань
В тех комнатах, где сорок лет назад

Почмейстер зиму коротал за вистом
И по весне ходил в соборный сад.
И вот сейчас сквозь теплый свет поленьев,
Смеющийся на стыке двух пустот,
Бездомное проходит поколенье,
И ночь, как глыба черная, растет.

По потолку проскальзывала тень,
Она была китайской тенью детства
Над перекрестком ледяных путей,
Над сквозняком, летящим в неизвестность.
По городу валялось много книг,
А снег был сапогами перепорот,
Исполосован шинами. От них
До сумерок казался пегим город.
Равняла шрамы новая побелка,
От красных дров в углы бежала тень,
Мигал огонь. Иван Петрович Белкин
Не ведал, где клубит его метель.
У стрелок застревали поезда,
К ним санитары хмурые спешили,
Тифозных, гнойных, поднятых со льда
Везли краснокрестовские машины.
А над рекой, на ледяном бугре,
Фасад собора встал лицом к столетью,
Он был мишенью в снеговой игре,
И в колокольнях выл железный ветер.
Но все снега, все ночи покорив,
Не ведая ни времени, ни места,
Апостол Павел слал письмо в Коринф,
Чтоб там спасти Коринфскую невесту.
Дома, как аул с косогора сбегали,
Чернели проталины в недрах двора.
С голодной зимой, с голубыми снегами
Янтарной капелью прощался февраль.
Весна по оврагам искала убитых,
Весна обжигала поля и бугры,
Вода отдавала потокам избыток,

И гулкие улицы были мокры.
Весна записала в учебной тетради
Примеры склонений. Быстрее чернил
Те дни просыхали. Склоняясь к ограде,
Апрель непокорные ветки чернил.
Когда по мостам громыхали телеги,
А вечером речка была золотой,
Я знал, что во мгле Иезуитских Коллегий
Корпит над грамматикой Федор Толстой.
Казалось, что все передвинуты планы,
Что время сместилось с обычных орбит,
Что век в той весне словно в фокусе стянут
И светлым бессмертным сияньем горит.
Тех дней никакие года не изменят,
Тех лиц никакая не смоет вода,
Они отштампованы вечным мгновеньем
И выжжены в памяти раз навсегда.
А город — казалось и вовсе он не был,
Как будто из жизни иной он возник;
Как призрак повис меж землею и небом,
Пером голубея, последний разлив.
Злосчастная вотчина князя Всеслава,
Прощаясь, мы видели дым над водой,
О берег просторная память плескалась
И, глядя нам вслед, полыхала бедой.

1964

ДЕРЕВО

В кабинете гравюры на дереве
Подмалеваны красным мелком;
А в окошке гравюрное дерево
Золотому закату доверило
Древний выгиб, поросший грибком.
Это дерево в облаке шарило,
Эта крона ждала Рименшнайдера,
Наклоняясь тяжелым стволом
Над моим необъятным столом.
Размыкая тугое кольцо,
Брызнут щепки, и резчик веселый
Ветру даст человеческий голос
И слепому наросту — лицо.
И фигуры в резном алтаре
По-готически выгнут ладони,
Заиграет на легкой заре
Это дерево, как молодое.
А остаток сухого ствола
Подберет новоявленный Дюрер,
И войдет в древесину пила,
И нарежет досок на гравюры.

1964

БЕЛОЕ И ГОЛУБОЕ

Под громыханье голубых трамваев,
В предчувствии голубоватых Альп. . .

Дворцы белели в лиственной оправе
И, в пику городским колоколам,
Куранты голосистые играли,
Раскалывая сутки пополам.
Плыл чайный запах скошеного сена,
И цепь прудов терялась вдалеке,
И золотистым отголоском Вены
Являлся Моцарт в светлом парике.
Там музыка вечерняя казалась
Построенной из безупречных призм,
Там хрустали покачивались в залах,
И капал воск, и липа отзывалась
На беглый шум летящих водных брызг.
Век молодел, под пальцами свежея,
А я был счастлив получить билет
На музыку зеркальных отражений,
На вымыслы, которым имя — свет.
Там флейта, поворот за поворотом,
К каким то уводила тростникам,
И Моцарт алебастровым эротам
Смеющиеся губы размыкал.
Там голуби почтовые летели
Сквозь нотный стан несбыточных химер,
А добрый лев благословлял затею
И лапу клал на сине-белый герб.

1964

ЛЕСА У ТИКОНДЕРОГИ

Здесь францисканец жил когда-то,
Он обошел за пядью пядь —
Не станет книг без «Имприматур»
Лесное озеро читать.
Здесь каждый остров ждет и верит,
Здесь выстрел птицу не пугнет.
Лежать в траве. Высокий берег
Зачерчивать в пустой блокнот.
Здесь грозы жмурятся, играя;
Здесь мысли замедляют ход,
Здесь Вальдфервантшафтен в сараях,
В раздолье блеклых лопухов.
Здесь месяц золотисто-острый
В осоке бредит наяву,
Здесь рай... Здесь деревенский отпуск
Уходит ночевать в траву.
С опушки тихая дорога
Уводит незаметно в стих,
А старый форт «Тикондерога»,
Как лось, у озера грустит.

1961

ДЕКОРАТОР

Ренэ Декарт в тени витрины
Чертил садовый павильон
Для новоявленной Коринны,
Ее вниманьем окрылен.
Он черной тушью вел перила,
Писал сквозные фонари;
Казалось ночь заговорила
У стройных портиков внутри.
Он в шелк закутывал модели,
Он выводил их на парад —
Казалось, щеки холодели
От тушью писаных оград.
Касаясь плеч, боясь помять их,
Касаясь кистью белизны,
Он повторил на белых платьях
Узор решеток вырезных.
Чертеж, как формула, был точен,
Орнамент алгеброй сквозил.
Бесплотный облик белой ночи
С пера чертежника скользил.

1964

В ЗВЕЗДЫ

Космонавту.

От темной плоскости отпрянув,
Ты в ночь полярную врастешь,
Где по гигантскому экрану
Алмазный вычерчен чертеж.
Ты в миллионах лет потонешь,
Тебя покроет глубина.
Балетом солнечных фотонов
Пустая даль ослеплена.
Кометы брызжут, пролетая,
Метеоритами пыля...
Сияет Божий планетарий,
Вращая звездные поля.
Конца и краю ночи нету,
Верченью огненных колес,
И темные текут планеты
Сквозь синеватый ливень звезд.

1961

ИНГЕ СВЕНСОН

Краски зари и огонь семафора,
Черные мачты далеких столбов.
Краткой любви телеграфная скорость,
Плечи и волосы, руки и лоб.
Ты подошла, опустив подбородок,
Линию шеи слегка наклоня,
Ты улыбалась, и пела природа
В розовых рельсах по степи звеня.
Ты по закату прошла силуэтом,
Не оглянувшись прошла на перрон,
И по ресницам горячее лето
Чуть повело золотистым пером.
Рельсы и шпалы гремели: опомнись!
Дальние горы стояли в глазах,
А горизонт бесприютно-огромный
В стеклах качался и выл в тормозах.
Как ты беспечна. Как вскинуты брови,
Как безотчетно свеченье волос —
Острой любви телеграфная повесть
Мечется в гуле чугунных колес.

1963

РОЗА

Н. А. И.

Соседство розы с серебром:
В кофейнике двоятся листья
И облака. А дальний гром
Нахмурил брови, как завистник.
И если громовой удар
На стекла ринется ознобом,
И яблок золотой загар
Поблекнет в пасмурной столовой,
И зазвенит в шкафу хрусталь,
И мы оглянемся в тревоге,
А дождь в саду пойдет свистать
В сырых кустах, ломая ноги...
Дом встанет прочно, как ковчег;
И круглый стол, и эта скатерть
При каждом громовом раскате
Ответят в ласковом ключе.
В семейном блеске серебра
И в бархатном покое розы
Треск гальванической угрозы
Померкнет, схлынув со двора.
Все окна — настежь. Над столом
Скользят смеющиеся тени,
А роза рдеющим челом
Глядит в серебряный кофейник.

СТРАНИЦА

Писать лесную солнечную область
И на опушке рухнувший амбар,
Твои шаги, твой деревенский облик,
Твое лицо, косынку и загар.
Плескаясь перевернутой страницей
И волосы колючкой заколов,
Лесное лето будет вечно длиться
В голубоватом кружеве болот.
Листва берез снопом лучей пробита,
Озера блещут зернами слюды,
Камыш рябит, и сквозь штрихи графита
Стих отзывается на шум лесной воды.

1962

МЕТР КОРБО

Размышление
о Нобелевской премии, присужденной Сартру

Метр Корбо, зачем Вы воскресли?
Зачем Ваш скелет устроился в кресле?
Какой чародей, какая антенна
Вывели вас из Лафонтена?
Помнится там, в обличьи вороны,
Каркали вы с березовой кроны.
Помнится, там вы сыр потеряли,
Помнится, вы лисе доверяли.
А после, когда утратили веру,
Вы все ж доверяли лисе-Вольтеру.
Метр Корбо, зачем вы молчите
О преимуществе «д'этр учитель?»
Вмешательство рока, нужда и дорога
Вас превратили тогда в педагога.
Под ласковый шорох русской осины
Мальчишкам вы объясняли Расина;
Под мерный басок могучей ели
Самозабвенно читали Корнеля.
Хотя ваши ноги к Пензе ближе,
Но голову вы забыли в Париже.
Там ваш парик над хмурым челом
Лежит в паноптикуме под стеклом,
Меж тем, как и ноги с проворством лакея
Топчут паркет в Царскосельском Лицее.
Метр Корбо, любимец фортуны,
В лицо вам пожар московский дунул:
Голодный француз, терзая ворону,
Павлиньих перьев ваших не тронул.
Судьбы изменчиво колесо.
А вы, как и встарь, читали Руссо.
Под звуки разбитого фортепьяно
Вы пели куплет на балу у Татьяны.

И не расслышал никто из гостей
Песочного скрипа ваших костей.
И не заметил никто в столовой,
Метр Корбо, что вы безголовы.
Под свист метели за ригой в поле,
При свечке вы читали Жан Поля.
Когда вы книгу эту листали,
В последний раз мы с вами расстались.
И вот через сотню лет или боле
Вы под пером другого Жан Поля.
Этот бесспорно в стиле ином,
Этот раскрылся мерзким окном,
Он ваши кости извлек из гнили,
Почуя в них тонкий запах ванили.
Метр Корбо, зачем вы воскресли?
Зачем ваш скелет устроился в кресле?
Зачем изменили тому Жан Полю,
Зачем вы пошли к другому в неволю?
Не вы ли, под старые вокализы,
Влюбились в российскую [redacted] Элоизу.
Зачем вы теперь нарушили слово?
Но я позабыл, что вы безголовы.
Пускай этот новый лауреат
Прямехонько мчится в старинный ад.

Метр Корбо, из чувства чести
Я не воскрес бы на вашем месте,
Я отказался бы наотрез,
Я бы из принципа не воскрес.

1964

МУЗЕЙ

И кошельки играющих гуляк
Опустошались в кабаках у мола,
И плавали медузы в хрусталях,
И грузовые двигались гондолы.
И, убедившись, что мошна пуста,
Пропировав последние дукаты,
Венеция, ты поднесла к устам
Зеленой влаги трезвые раскаты.
Но Тинторетто кисти покорял
Твои дворцы, и бархат, и галеры,
И оживлял налетом янтаря
Из пен твоих рожденную Венеру.
Голубоватый двигался фронтон,
Качалась кладь, и зеркала сверкали,
Отбрасывая персиковый тон
Твоей щеки в магическом овале.
Музейная густая тишина,
Озвученная сухостью паркета,
Казалось шумом волн поражена,
Затоплена меняющимся светом.
И в жирном блеске бронзовых скульптур,
В тугом клубке Гераклов и кентавров
Затихли сгустки мыслей и культур,
Как дальний гром, и дальние литавры.
Проносится охота на лося,
И славит шелк прекрасную Елену,
А мы домой уходим, унося
В глазах лиловый отблеск гобелена.
Дожди не в силах красок погасить,
И вся венецианская палитра
Пойдет со мной. Пусть желтые такси
Ее о шины рубчатые вытрут.
Пусть световые властвуют куски,
Пусть станет город праздничным базаром,
Пусть заблестит, пусть влажные мазки
Пойдут по мостовым и тротуарам:

Запомнятся рембрандтовы глаза,
Роденовский невоплощенный вылеп,
Замрет венецианская слеза
На ветровом стекле автомобиля.
И вечер, разгоняя облака,
Очистится, как ясная лагуна,
И тучи погрозят издалека,
Как полчища, покрытых пылью гуннов.
А в дом заглянет синее окно,
И виноград в хрусталь уронит зелень;
На ужин будет красное вино
И выдох флейты — память о музее.

1964

НА КРАЮ ОВРАГА

Там детство обрывалось по оврагу
И лилию сбивало у запруд,
Там ивовая мокрая коряга
В янтарный опрокидывалась пруд.
В полметре от хрустального балкона
Шумит овраг, заросший бузиной,
Кустарник опускается по склону,
А в доме пахнет сыростью лесной.
По скатерти на полотняных клетках,
Смеясь, играют в шахматы лучи,
И свой двойник упрямо чертит ветка,
Себя стеклом от тени отлучив.
От дома до прососанной плотины
Шумят стволы и плещется вода,
И сваи, подмалеванные тиной,
Чернеют, как щербатая гряда.
А дом стоит, своим стеклом блестящим
И стрелкой бельведера чуть дрожа,
Он золотится, всматриваясь в чащу
Через овраг, и детство сторожа.
Дом словно ждет чтоб окна догорели,
Чтоб удлиннился сизый строй теней,
Чтоб тени перешли на галлерею,
Скрипящую досками ступеней.
Блестит закат. Английский лес гравюрен,
И облако у Констэбла кругло:
Так правда и поэзия в натуре
Над этим домом веют, как крыло.
А вечера Китаем увлекались,
Луна была меж листьев — мандарин,
И вспыхивала чаша огоньками,
И светлячок фонарики дарил.

1965

ОСОЗНАНИЕ СЕБЯ

(Экзистенциалист)

Как себя осознать в пространстве,
Как во времени закрепить?
Ариадны стальная нить
Прошивает пределы странствий.
Я — точка приложения светил,
Я — дрожь луча в поверхности стеклянной,
И, перед тем как в беспредельность кануть,
Я — миг покоя в стыке равных сил.
Описан я светом и тенью,
Пространственно связан с предметами,
Меня овевают метели,
Мне числа сияют кометами.
Я узнаю себя в воде
И отражаюсь где-то в звездах,
Я сам себе черчу предел,
И лишь в пределе я осознан.
Тону в холодном зимнем ветре я,
И в темном контуре фасада,
Меня спасает геометрия
От безграничного распада.
И вот на стыке плоскостей,
На стеклах утлого сознанья
Рисуется цветная тень —
Действительность моя земная:
Движенье озера и леса,
Воды и ветра легкий сплав,
Я узнаю себя в процессах,
Я в них живу, как в зеркалах.
Я тку действительность живую,
Рисую красками мой путь.
Я должен знать, что существую,
Чтобы в нуле не потонуть.

1965

ВЕНЕЦИАНСКИЕ ПОЛОТНА

Здесь плеск весла, как стук кареты,
Весна наядой на волне.
Веселым старцам Тинторетто
Привольно жить на полотне.
Пусть нрав у старцев неразумен,
Зато румянец детски свеж...
Здесь Возрожденье, как Везувий,
Клубится складками одежд.
Переглянувшись с хрусталями,
Помчался в пляске хоровод,
Лозою Вакха заслоняясь
От всех напастей и невзгод.
Стекло дрожит прозрачной дрожью,
Зеленым отблеском горя.
Резвятся подданные дожа —
Большие рыбы на морях.

1962

ДЕТСТВО

Детство видит паркет и обои.
Образ мира — лицо рябое
В снежных оспинках детской памяти;
Словно желтый сфинкс из Сахары
На пороге сознанья ставится
В хлопьях Зубовского бульвара.
Словно там, на пороге времени,
За домами и за деревьями
В глубине окна золотого
Поселились идеи Платона.
Где я слышал слово «Египет»?
Почему его память лепит
Из безличных улыбок камня?
Почему его поступь близка мне?
Почему, разливаясь, Нил
Память детства заполонил?
Так с арбатских дворов и плит
Встал Каир толпой пирамид.
Где я смех бедуинов слушал?
Или горы диванных подушек,
Золотые рубцы паркета
Мне во сне подсказали это?
Рассветает. Режутся окна,
Появились глаза у щенка;
И московские плиты сохнут,
И у камня рдеет щека.
Пахнет почкой Девичье поле,
Реют росчерки колоколен,
Долетает первое слово;
Появилось имя Толстого.
Вспоминаю: какие-то метлы
И, должно быть, избушка сторожа,
Запах тополя мимолетный,
И почти что просохший двор уже.
Вспоминаю: за пояс руки,
Складки каменной бороды,

Брызги солнца в небе воды,
И трамваев весенние звуки.
Вспоминаю: контуры клиник,
Медицинское чье-то детство.
Пироговский сюртук в наследство
Дому передан по традиции.
А бульвары в проблесках синих,
И загибы трамвайных линий
Словно в памяти отразиться
Поспешили, чтоб вновь родиться.
Так теперь и стоят полукругом —
Желтый сфинкс, Толстой и Египет;
Птичий свист по бульварным дугам
Не теряется в легком скрипе.
И гранит диванных подушек
Стройно строится в пирамиды:
Бесконечность, видавшая виды,
С новым вспыхнувшим детством дружит.

1965

ДЕДУШКИНЫ БУМАГИ

На ножке — капля стеарина:
Свече погашенной знаком
Уют гостиницы старинной
С голубоватым потолком.
И знаешь — утро ждет у двери,
И знаешь — город будет наш,
И ты предчувствия проверишь,
Подставив быль под карандаш.
А город статуи расставить
Успеет за ночь для тебя.
И фиксативом тронет память
Бумагу, мелочи любя;
Сближая дальние предметы
И освежая их слегка.
Вот колокольня против света
В резьбе тончайшего штриха.
А вечер? Чем его отметим?
Берем газету наугад:
Церковной музыкой ответит
Печать на твой беспечный взгляд.
И через баховскую фугу
Приморский город преломив,
Мы кружева сплетем друг другу,
И новый день, и новый миф.
А если внук отыщет этот
Дорожный, ранний наш альбом,
Наш день взыграет синим светом
Перед его склоненным лбом.

1965

В ЛЕСУ

Темнеют стрельчатые лапы
Сквозь световую полосу,
И бродит кисловатый запах
От дикой яблони в лесу.
Овраг валежником запружен,
Бормочет солнечная щель,
Кругами из стеклянных кружев
Листву оплел лесной ручей.
Под легкой золотистой ширью,
Под чуткой зеленью куста
Хрусталь — как в городской квартире,
В сырой листве дрожит хрусталь.
А ты легка, а ты печальна,
Ты пить склоняешься к ручью,
Ты яблоней в лесу дичаешь . . .
Как вынести тебя ничью?

ТРИУМФАЛЬНЫЕ АРКИ

Сзади стена огромного роста,
Спереди город рябит, как во сне.
Триумфальная арка открыта в звезды,
И мелом намазан на статуях снег.
Где мы? В Нью-Йорке? Но смыты преграды:
Мы вдвинуты в рамки иного пласта;
Сквозь прорезь чугунных оград Петрограда
Льдины ныряют в пролеты моста.
Век девятнадцатый в вечность канул,
Но луч от него на будни упал.
Свеченье эпохи поймал Тынянов
Системой оптических зеркал.
Почерк его пером без помарок
На петроградском снегу нанесен,
И я узнаю себя в мемуарах,
Я ставлю их, как спектакль режиссер.
Меня окружают знакомые лица,
Они сквозь печать потянулись ко мне,
А я оторвался на миг от страницы
И в стеклах увидел арку и снег.
И вдруг понимаю, что времени нету,
Что все календарные даты — зря:
Только в мозгу полет силуэтов
Проекционного фонаря.
Я знаю, возможны любые сдвиги,
Места, и времени, и бытия.
Сам я могу раствориться в книге,
В странице могу исчезнуть я.
Как омут глядит триумфальная арка,
Льдины исчезли в ее пустоте,
Тынянов в снегу потухает огарком,
И блекнут ученые руны статей.

1965

ДАНЬ КЛАССИЦИЗМУ

Дневные спутники моих ночей бессонных —
Мир темный Тютчева и юный мир Бергсона,
Дриады легкие вдоль речек и опушек
Меня к себе манят, чтоб тайны их подслушать.
Но я разумней стал, на сутки стал трезвее: —
Скептическим пером все тайны я развею.
Примерный ученик, я вновь сажусь за парту,
Чтоб заново учить стальной язык Декарта.
На волю случая пущу стихи в разведку,
Как пули, в дряхлый дуб они вопьются метко,
В круженье призраков, в туманы над болотом,
В пятнистые круги от лунной позолоты.
Все движется в кругах, все слито мертвой сваркой:
Ронсар аукнется — откликнется Декартом,
Проснется Ориген, разбудит Эригену,
А кольца на коре пометят перемену.
Монады Лейбница пойдут гулять по кругу
И будут издали слегка кивать друг другу.
Я бросил камень в пруд и пруд пошел кругами,
В нем месяц замигал пугливыми рогами.
Извольте мне простить наивности буколик:
Сегодня классик я, как был Гюго католик.
Сегодня я столкнул Декарта с Феокритом;
Ронсару показал, что мы пожалуй квиты;
И в прорезях листвы заметив брызги влаги,
Я нимфу искупал, не пожалев бумаги.
Но шутки в сторону — я их уже оставил —
Причешем космосы железным гребнем правил;
Долой неясности — они источник пыли,
На геметрии отточим кончик стиля.
Потом забудем все и пустим наудачу:
Любезный критик мой, ведь я тебя дурачу.
Ты к Шеллингу привык, а я к тебе с Эвклидом;
Не морщи умный лоб, не место здесь обидам.
Ты спросишь, для чего наплел я слов пустых —
Хотелось подразнить александрийский стих.

1965

ЧИСТИЛИЩЕ ИДЕЙ

Сияющий и чистый мрамор
Дает пространственную раму,
И протянулся в тихий двор
Геометрический узор.
И каплями, в пространство канув,
Повис блестящий звук фонтанов.
Чистилища прохладный куб
Коснулся приоткрытых губ.
Сюда вошло бессмертье. Или
Совсем о времени забыли
Скульптуры эти и карниз,
И Аполлон, и Дионис.
Остановившиеся мысли
Чертежной линией повисли,
Казалось радугу вобрал
Их еле видимый астрал.
Мы непредвиденные дали,
Как на ладони, увидали.
Свет неизвестных теорем
Не пропадал и не старел,
А капли влаги не могли
Меж тем достигнуть до земли,
Как будто замерло кино,
И время свернуто давно.

1965

ДИСКУРСИЯ ПИИТИЧЕСКАЯ

О НЕСРАВНЕННЫХ ПРЕЛЕСТЯХ ДЕВИЦЫ NN,

писанная магистром изящных наук
Ивашкою Славолюбом

Сколь дерзко я люблю прекрасную девицу,
Которую узрев, нельзя не удивиться,
Зане ее одну среди любезных Фей
В усладу очесам приводит мне Морфей.
Мне мнится Турок я, мне мнится я Султан,
Егда передо мной ее мелькает стан.
Едва для сонных нег мир затворит вороты,
На крыльях радости ее несут эроты;
И могут утверждать одни лишь маловеры,
Что Грация моя не превзойдет Венеры.
Возмогут утверждать одни лишь дураки,
Что мармор Еллинский белей ее руки.
Се внемлю: по углам шипят мои враги,
Что прыть Зефирова резвей ее ноги,
И какожде во сне привидится такое,
Когда нам нощь дана для вящего покоя.
Но я младой Певец на это им отвечу:
Куда уж вам понять природу человечу.

1965

ОГЛАВЛЕНИЕ